

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из примет нашего времени является обесценивание значений слов, превращение их в привычные сочетания малозначащих формул. Будучи выраженными вербально, устремления к высоким идеалам, некогда наполненные реальным смыслом и соотносимые с конкретными ценностями, ныне от частого употребления в самых различных контекстах становятся зачастую абстрактными, лишенными какого-либо конкретного наполнения символами. Этот процесс, особенно интенсивно протекающий в США и странах Запада, не обошел стороной и Россию, где ныне наблюдается его заметное развитие на фоне усиливающейся тенденции к глобализации, существенным образом определяющей целый ряд преобразований. Ускорение темпов жизни, забота об элементарном выживании, похоже, оставляют россиянам немного времени, чтобы осмыслить происходящее, осознать, “хорошо” это для них или “плохо”, а традиционное взвешенное отношение к слову постепенно — не без влияния СМИ — вытесняется чем-то, напоминающим усталое безразличие — к “трескучим” лозунгам, легковесным обещаниям, рассуждениям об общечеловеческих ценностях.

С другой стороны, во многих областях общественной жизни наблюдается тенденция к слепому копированию, а нередко — и сознательное преклонение (или не изжившие себя его “реликты”) перед всем иностранным, которое представляется заведомо “более прогрессивным”, чем “закосневшее” отечественное. В повседневном общении неразборчивость при употреблении расхожих фраз и входящих в моду “импортируемых” призывов, например, к толерантности или эмпатии, как правило, не влечет за собой каких-либо серьезных последствий. Однако результаты проникновения такого подхода в области науки или преподавания, призванные формировать общественное сознание, трудно недооценить. Если, например, в русской и англо-американской традициях понятия *свободы* и *равенства*, *дружбы* и *доверия* различаются по культурному компоненту значения, то, бездумно заимствуя формально “правильные” установки, россиянин либо наполняет их понятным ему содержанием, либо, вольно или невольно, становится “проводником” иной идеологии.

У рядового россиянина, неискушенного в лингвокультурологических тонкостях, возникает недоумение: чем же, собственно гово-

ря, плохи вышеупомянутые призывы? Ведь они вполне созвучны гуманной направленности отечественных традиций. Представляется, однако, что очень часто это созвучие — лишь кажущееся, и используемые внешне похожие слова в русском и английском языках обладают существенно различающимся смысловым наполнением, — даже простое обращение к словарным дефинициям дает повод усомниться в эквивалентности обозначаемых понятий. На страницах этой книги мы проиллюстрируем целый ряд имеющихся расхождений такого рода, поскольку многие понятия являются ключевыми и отсылают нас к системе базовых культурных ценностей.

Отмеченные тенденции развиваются на фоне другого объективного процесса, также носящего глобальный характер, — интенсивного развития интернациональных контактов, что предполагает владение иностранным языком. Вполне закономерно, что все большее количество россиян оказываются вовлеченными в орбиту практического использования английского языка как инструмента международного общения. Так же закономерен и наблюдаемый всплеск интереса к проблемам межкультурной коммуникации со стороны ученых разных стран, которые всерьез занялись вопросами повышения эффективности этого процесса, о чем свидетельствует все возрастающее количество научных исследований кросс-культурной направленности. Большинство специалистов в данной области сходится во мнении, что игнорирование значимости национального своеобразия в процессе межкультурного общения нередко приводит к взаимному непониманию и коммуникативным сбоям.

Возросшая популярность рассуждений о непременной ориентации на *диалог культур* в русле совершенствования языковой подготовки представляется, однако, не столь очевидным логическим следствием отмеченных тенденций и, на наш взгляд, не является безусловным требованием нашего времени. Сомнения прежде всего вызывают возможные сроки практической реализации самой установки — при всей ее заманчивости, — поскольку очевидно, что *диалог* по определению предполагает двунаправленный процесс, взаимный обмен ценностями материальной и духовной культуры¹. В действительности же использование этого словосочетания (наряду с другими, характерными в подобном контексте, призывами к *толерантности* и *гуманизму*) нередко носит чисто риторический характер, являясь по сути “метафоричным”, и его можно рассматривать как публицистический прием, к которому обращаются либо от-

---

¹ См. подробнее: Костомаров, 1999, Лейчик, 2001.

давая дань моде, либо с целью выдать желаемое за действительное, либо для того, чтобы завуалировать имеющий место монолог, — существующие глубинные различия между российской и (прежде всего) англо-американской культурными традициями дают дополнительный повод усомниться в реальной готовности британцев или американцев к неформальному диалогу.

Подобные рассуждения относят ориентацию на диалог культур к перспективе достаточно отдаленного будущего и наводят на мысль о необходимости поиска иных подходов к решению проблем англоязычной коммуникации. Более реальной видится целеустановка, направленная, в конечном счете, на то, чтобы россиянин мог адекватно интерпретировать реальный смысл высказываний англоговорящих коммуникантов и, гибко реагируя в процессе общения, обладать свободой выбора, основанной на знании не только языка, но и культуры. Стремление отыскать источники непонимания россиянами (даже хорошо владеющими иностранным языком) содержания намерений их англоговорящих собеседников, а далее — способы предотвращения культурной интерференции и повышения продуктивности общения и послужило главным стимулом к написанию данной книги. В процессе работы мы пришли к выводу о необходимости рассматривать целый комплекс взаимосвязанных проблем под разными углами зрения; при этом пришлось привлекать сведения из различных смежных областей знания, что обусловило немалое количество отклонений от основной линии изложения. Этим объясняется весьма не прямой путь исследования — от культурных ценностей к их отражению на речевом уровне, однако необходимость именно такого подхода продиктована стремлением дать читателю возможность составить целостное представление о проблеме. Иначе без обширных фоновых знаний россиянину нелегко сохранять непредвзятость при общении с британцами и американцами.

Структура работы. Книга состоит из вступления, двух больших частей и заключения. В первой части проводится системное описание различий мировосприятия британцев, американцев и россиян через призму дистанцирования и отношения к компромиссу и рассматривается отражение этих различий на поведенческом уровне (исследуется специфика социального межличностного взаимодействия и пространственно-временной организации общения). Далее анализируется культурный компонент значения ряда ключевых понятий в традициях рассматриваемых культур и устанавливается соотношение значимых в данном контексте личностных черт как цен-

ностей с базовыми мотивационными ориентациями в сфере духовной и материальной, а также особенности регуляции коммуникативного поведения и основные закономерности возникновения интерференции.

Во второй части выявленные доминанты черт исследуемых культур рассматриваются в проекции на уровень вербальной коммуникации: на основе расхождений в уровне контекстности и в трактовке вежливости определяются наиболее общие характеристики англоязычного и русскоязычного общения. Для уточнения источников наблюдаемых различий эти доминанты, реализующиеся в регулярно используемых речеповеденческих стратегиях, анализируются с точки зрения их лингвистического содержания (представленного в терминах, доступных для русскоязычной аудитории) и употребления конкретных речевых средств.

Книга, адресованная прежде всего преподавателям английского языка, может быть полезна достаточно широкому кругу неспециалистов — тем, кто, умея говорить по-английски, испытывает трудности в выборе адекватных стратегий при общении с британцами и американцами.